

Игра как парадигма войны/вражды: опыт деконструкции понятия политического в учении Карла Шмитта

Алексей Яркеев

Доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права Уральского отделения РАН

Адрес: ул. Софьи Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620108 Российская Федерация

E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Статья посвящена деконструктивистскому прочтению шмиттовского понятия политического, сформулированного в рамках мыслительной традиции западной метафизики, ориентированной на репрезентацию бытия в качестве присутствия. Выполняя функцию основополагающей метафизической абстракции, конструкт присутствия предполагает серьезное отношение к возможности схватывания и удержания истины бытия, дисквалифицируя тем самым и отесняя на периферию игровое как несерьезное, неподлинное. В учении К. Шмитта политическому отводится роль центрирующего социального существование присутствия, которое раскрывается через отношение «друг/враг» и войну как высшую степень интенсивности данного отношения. В этом свете политическое может рассматриваться как укорененность человеческой совместности в истине бытия. По мысли Шмитта, смертельная угроза, содержащаяся в экзистенциальном противостоянии, поднимает человеческую жизнь до уровня серьезности, подлинности, возвышая ее над всем тем, что может быть охвачено и охарактеризовано понятием игры. Показывается полная безуспешность всех попыток Шмитта отделить серьезность политического от игрового, подлинную войну от игры в войну, реальное кровопролитие между враждующими сторонами от агонального противоборства, что ставит под сомнение научно-философскую респектабельность введенного им представления о политическом. По мнению автора статьи, причиной данного провала оказывается унаследованная вместе с пресуппозициями западной метафизики слепота Шмитта по отношению к тому обстоятельству, что игра является именем, сущностью, содержанием и судьбой человеческой реальности.

Ключевые слова: игра, война, вражда, враг, политическое, агон, метафизика, деконструкция

В контексте происходящих глобальных событий, связанных с кризисом международного права, с обострением и интенсификацией геополитических конфликтов, угрозой большой войны, ускоренной ремилитаризацией, регионализацией мира, консервативным поворотом, реставрацией государственного патернализма, превращением чрезвычайного положения в норму, релевантность и теоретическая востребованность идей Карла Шмитта для осмысления текущих реалий не вызывают никаких сомнений. В условиях эскалации геополитической напряженности актуализация шмиттовского понятия политического, определяемого через интенсивность отношения «друг/враг», приобретает особое значение. Вместе с тем по разным причинам (биографического характера, эпистемологического, историко-метафизического) творческое наследие немецкого правоведа, уже превратившееся в аподиктический трюизм или даже в неприкосновенный сакральный

догмат, «священное писание» для одних, нуждается, по мнению других, в критической ревизии, высвечивающей имманентные изъяны в его концептуальных построениях. В данной статье причина уязвимости ряда шмиттовских идей усматривается в их непосредственной обусловленности понятиями, схемами, установками и ценностями западной метафизики, ориентированной на раскрытие бытия в качестве «себетождественного самоналичия», или *присутствия* (Ж. Деррида), что позволяет адресоваться к размышлениям Шмитта исходя из проблемного поля деконструкции¹. Разоблачая внешнюю презентабельность западной метафизики как носительницы истины бытия, деконструкция делает видимой скрытую борьбу серьезности с игровым началом человеческого мира, которая ведется метафизической практически с момента ее возникновения.

В обозначенной аналитической перспективе нами предлагается продолжить и развить инициированную Джорджио Агамбеном проблематизацию шмиттовского понятия политического в координатах *игрового* и *серьезного*, снабдив ее дополнительными соображениями, аргументами, иллюстрациями и выводами, не претендуя при этом на их окончательную полноту и бесспорность. Целью статьи видится попытка верификации гипотезы, согласно которой вражду и войну нельзя помыслить в терминах оппозиции «игра/серьезность», так как игра всегда является возможностью, изнанкой и соучастницей серьезности, что ставит под большой вопрос методологическую валидность и онтологическую значимость введенного Шмиттом представления о политическом.

***Sub specie belli*: война как «серьезный случай»**

В своем эссе «Заметка о войне, игре и враге», послужившем поводом для нижеследующих размышлений, Агамбен совершенно справедливо отмечает явный *circulus vitiosus* между понятиями вражды и войны в аргументации Шмитта, так что первичным становится только само отношение между ними, которое кладется в основу понятия политического. Действительно, возможность реальной вражды и возможность реальной борьбы идут у Шмитта рука об руку, то есть функционируют *de jure* и *de facto* как взаимозаменяемые понятия в дефиниции политического: «Объявление войны есть всегда объявление врага» (Шмитт, 2007: 130). Более того, в порочный круг между понятиями войны и вражды вовлечено и само понятие политического. Так, нам сообщают, что реальная возможность войны обуславливает специфически политическое поведение людей (Schmitt, 1932: 22), но уже на следующей странице война понимается как политически мотивированное насилие, как крайнее следствие политического группирования на друзей и врагов (Ibid.: 23).

---

1. Сам Деррида довольно подробно задерживается на шмиттовском учении о вражде в своей монографии «Политика дружбы» (Derrida, 2005).

Ввиду того, что понятие вражды у Шмитта имплицитно подразумевает возможность реального физического убийства (*die reale Möglichkeit der physischen Tötung*), которое, в свою очередь, является предпосылкой вражды, война как борьба организованных политических сообществ оказывается сущностным выражением политического как такового (Агамбен, 2021: 90–102). В отличие от Томаса Гоббса, считавшего, что люди в естественном состоянии (или государства в состоянии международной анархии) постоянно находятся в ситуации войны не в том смысле, что они постоянно воюют, а в том смысле, что они постоянно пребывают в состоянии готовности к войне друг с другом, Шмитт под войной имеет в виду реальную возможность борьбы (*die reale Möglichkeit des Kampfes*), которая является радикальным следствием политического деления на друзей и врагов. Таким образом, область политического очерчивается «серьезным оборотом дел» (*Kriegsfall* как *Ernstfall*), возможностью (угрозой) насильственной смерти — убийством противника или собственной смертью от его руки, — что обобщается в директивном умозаключении, своего рода категорическом императиве: война «должна наличествовать как реальная возможность, пока имеет смысл понятие врага» (Шмитт, 2016: 308). Соответственно, мир без возможности войны (то есть без угрозы политически организованной возможности обмена насильственной смертью) как мир без вражды был бы тем самым деполитизированным состоянием человечества (Там же: 311).

Почему Шмитт так настойчиво озабочен вопросом сохранения политического, говоря об угрозе деполитизации мира? Подробный ответ увел бы нас далеко в сторону от заявленной темы, поэтому осмелимся кратко резюмировать следующим образом: для Шмитта политическое — инвариант *присутствия* (*Dasein*), обнажающий «сердцевину вещей» (Там же: 310), синоним полноты, подлинности и серьезности социального бытия, которое в политическом, и только в политическом, достигает высшей степени *экзистенциального* напряжения, возвышения над рутинной, самораскрытия и *конкретной* самореализации, противопоставляемой любому фикционализму. Политическое единство, пишет он, «есть основополагающее и “суверенное” единство» (Там же: 314), оно «обладает высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия, в отличие от естественного существования какой-либо совместно проживающей группы людей» (Шмитт, 2010: 49). Высшая степень политического напряжения находит свое выражение в войне, которая не имеет никакой иной цели, кроме взаимного уничтожения противоположных сторон, отрицающих друг друга на экзистенциальном уровне. В этом заключается чистый смысл войны как реальной возможности физического убийства (Шмитт, 2016: 308). В отличие от животного стремления убивать под давлением инстинкта самосохранения, война предполагает готовность самому идти на смерть, убивая других (Там же: 311, 321). Именно в таком образом понятой угрозе жизни и заключается *серьезность* жизни («специфически политическое напряжение жизни»), противопоставляемая Шмиттом *развлечению*, беззаботному времяпрепровождению, на что пронизательно обратил внимание Лео Штраус (Meier, 1995: 40). Отвечая на рецензию Штрауса в примечании к переизданию «Понятия политического» (1963 г.),

Шмитт соглашается с его замечанием, признавая не вполне удовлетворительный характер понятия «развлечение», и дополняет его понятием игры как антитезы серьезности политического (Шмитт, 2016: 401-402), так как «игра подразумевает радикальное отрицание серьезности» (Schmitt, 2006: 35).

Отправной точкой в интеллектуальном самоопределении Шмитта в этом отношении является его работа «Политический романтизм» (1925 г.)², которая ознаменовала собой разрыв ее автора с предшествующим периодом увлеченности романтическим эстетизмом, сделавшего свой выбор в пользу *серьезного*³. По его мнению, каузальную природу действительности индивидуализированная и эмансипированная романтическая субъективность, подменившая собой Бога теологического окказионализма, воспринимает исключительно как повод (*occasio*) для своей чувственно-эстетической продуктивности, превращающей мир в пестрые сказочные декорации для волшебной игры фантазии (Шмитт, 2015: 29-34). Романтизм не является формой репрезентации действительности, поскольку посредством абсолютизации эстетизации он приватизирует духовную жизнь, редуцирует ее к творческим переживаниям индивидуального «Я», для которого внешний мир — лишь проводник его романтического интереса, очаровывающегося чем угодно⁴, но тем самым по-настоящему индифферентного ко всему. Поскольку эстетизированная игра чистой субъективности утрачивает характер несомненной реальности, постольку подлинная политическая активность начинается там и тогда, где и когда заканчивается игра романтической продуктивности.

В несколько модифицированном виде Шмитт вернулся к этой теме спустя много лет в эссе «Гамлет или Гекуба» (1956 г.), содержащем завуалированный ответ на острый критический выпад Йохана Хейзинга в тексте «*Homo ludens*» (1938 г.) против шмиттовской концепции войны/вражды как серьезности политического (Хейзинга, 2011: 289-290). Полемизуя в том числе с романтической концепцией Шиллера об искусстве как автономной сфере игры, в которой человек возвышается над серьезностью жизни, преодолевает самоотчуждение и обретает истинное достоинство, Шмитт вводит различие между серьезностью подлинной трагедии и драматической пьесой как игрой в трагедию (*Trauerspiel*). Пьеса создает собственное игровое поле, автономное и внутренне самодостаточное, что позволяет воспринимать разыгрываемую драму без референции к внешним историческим и социальным событиям. Трагедия заканчивается там, где начинается *Trauerspiel*, поскольку в игре присутствует фундаментальное отрицание серьезной ситуации (*Ernstfall*). Трагическое

---

2. Первое издание «Политического романтизма» вышло в 1919 году, здесь же цитируется русский перевод расширенного и измененного издания 1925 года.

3. Более подробно об этом см.: Филиппов, 2010.

4. Шмитт здесь почти дословно воспроизводит высказывание Гоббса о легкомыслии как противоположности *серьезности*: «Источником этой склонности является любопытство, одинаково распространяющееся на все на свете, ибо когда все вещи производят на нас одинаковое впечатление и одинаково нравятся нам, то они с одинаковой силой навязываются нашему представлению и в разной мере ищут себе выражения» (Гоббс, 1989: 556). Политический романтизм, таким образом, для Шмитта суть нечто легкомысленное.

действие невозможно сыграть. Серьезность трагедии лежит «в объективной реальности самого трагического действия, в загадочном переплетении и взаимодействии бесспорно реальных людей в непредсказуемом ходе бесспорно реальных событий» (Schmitt, 2006: 39). По этой причине трагическое является пределом художественного вымысла, не способного создать источник трагической достоверности. Очевидно, что война является трагическим действием *par excellence*, хотя Шмитт и не говорит здесь об этом прямо.

Итак, понятие политического, фундированное взаимосвязью понятий вражды и войны, стягивается в конечном счете к оппозиции «серьезное/игровое». Именно в этом месте Агамбен атакует Шмитта, ссылаясь на факт агональных войн, которые ведутся по определенным правилам, напоминающим правила игры, могут быть весьма кровопролитными, но при этом не предполагают экзистенциальную вражду (Агамбен, 2021: 112, 120). Понимание войны как «серьезного случая» тогда оказывается *contradictio in adjecto*; соответственно, война как условие возможности политического очевидным образом превращается в условие его невозможности. Эвристический потенциал шмиттовской дефиниции политического начинает резко стремиться к нулю. Впрочем, Шмитт и сам прекрасно осознает этот факт. В качестве англоязычного эквивалента немецкого слова *Spiel* он выдвигает слово *play*, а не *game*, разграничивая их по критерию конвенциональной вражды: слово *play* еще допускает возможность «вражды между партнерами», в то время как в слове *game* эта возможность уже полностью отсутствует (Шмитт, 2016: 402). Необходимость обращения к различению между *game* и *play* по критерию конвенциональной вражды становится понятной по второму королларию, в самом начале которого Шмитт выделяет агональные войны (войны-турниры, кабинетные войны, войны-дуэли и т.п.) как случай, не относящийся к его пониманию войны (Там же: 381). Судя по всему, в трактовке Шмитта это всего лишь своего рода игры (состязания), в которых враг носит условный характер, а физическое насилие регламентировано и лимитировано. По его мнению, конвенциональная вражда была характерна для регулярных межгосударственных войн в системе европейских суверенных государств, которые уподоблялись благородным кавалерам, требующим друг от друга сатисфакции посредством дуэли⁵. «Эта регулярность придала войне настолько сильные оберегания, что война могла рассматриваться как игра, в которой иррегулярно участвовал легкий, подвижный отряд, а враг как просто конвенциональный враг стал партнером по военной игре» (Шмитт, 2007: 135). Серьезность войны и действительный характер вражды, считает Шмитт, были реанимированы автохтонной фигурой партизана как носителем стихийных сил

5. Более того, в ограниченных войнах конца XVII — начала XVIII века армии в полевых условиях больше не считали даже нужным бросаться друг на друга. Они тратили много времени на маневры вблизи друг от друга или на виду друг у друга и часто вообще не вступали в бой до тех пор, пока в конце сезона боевых действий не отправлялись на зимние квартиры. В своем знаменитом эссе об искусстве ведения войны «Мои размышления» (1757) великий маршал Франции Морис Саксонский писал: «Я не сторонник генеральных сражений, особенно в начале войны, и убежден, что искусный полководец может вести войну всю свою жизнь, не вступая в сражения» (цит. по: Brodie, 1973: 246-247).

земли. Иррегулярный *modus operandi* партизана со всей наглядностью демонстрирует, что «все старания оберегания или ограничения войны — лишь игра, которая оказывается несостоятельной перед взрывами настоящей вражды. <...> Тогда прекращается конвенциональная, традиционная игра» (Там же: 136–138). Фактически вся аргументация Шмитта в этом месте сводится к тому факту, что после разгрома Наполеоном регулярной испанской армии в 1808 г. боевые действия со стороны Испании продолжились в форме партизанской войны, тогда как после поражения своей регулярной армии в 1808 г. Пруссия заключила унизительный мир (Там же: 135). Складывается впечатление, что подписание унизительного мирного договора автоматически свидетельствует о вырождении регулярности в конвенциональную игру, а продолжение сопротивления посредством герильи доказывает серьезность войны. Но если справедливо тождество «различные виды вражды = различные виды войны» (Там же: 136), тогда различие между ограниченной регулярной войной и неограниченной иррегулярной войной не может безоговорочно исчерпываться различием между серьезной войной и «игрой в солдатики».

Как бы то ни было, тут сразу же возникает очередное затруднение. Исходно Шмитт под войной понимал «водворение врага обратно в свои границы» (Шмитт, 2016: 312), имея в виду регулярные войны, ведущиеся между государствами по определенным правилам, исключающим дегуманизацию и криминализацию противника. Их явно бросающийся в глаза агональный характер вынудил Шмитта искать выход в иррегулярности партизанской войны. Партизан — это шпильбрехер⁶, «сущностью и экзистенцией» которого «становится то, что он находится вне любого оберегания. Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвратился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора вплоть до истребления» (Шмитт, 2007: 21). В том-то все и дело, что «реальная возможность физического убийства» сама по себе не имеет имманентных ограничений на масштаб, характер, средства и мотивы уничтожения⁷. С этой точки зрения нет существенной разницы между ограниченной войной «дозированной вражды» и неограниченной войной абсолютной вражды. Иными словами,

---

6. Неологизм Й. Хёйзинги, обозначающий нарушителя игры.

7. Хотя Шмитт и оговаривается, что речь идет лишь об «отражении» врага, о «водворении врага обратно в свои границы» (Шмитт, 2016: 312), «реальная возможность физического убийства» в предельном случае не может не означать его полного уничтожения. Но тогда не понятно, почему стремление к тотальному уничтожению противника выходит за пределы политического (Там же), ведь оно просто является его экстремумом. Где та черта, которая отделяет физическое убийство врага от «водворения его в свои границы»? И что вообще значит «водворение в свои границы»? Начиная с какого по счету убийства на войне заканчивается «водворение в свои границы» и запускается полное уничтожение противника? «В любом случае высказывания о сущности нельзя располагать на какой-то шкале» (Деррида, 2000а: 277). Но полное уничтожение врага тождественно полному уничтожению реальной возможности различения друга и врага, тем самым концепция политического выливается в отрицание самой себя. Поэтому оговорка выглядит так, будто Шмитт посредством эвфемистических ухищрений пытается избежать тех радикальных следствий, которые возникают при полном развертывании логических импликаций, содержащихся в понятии серьезности политического.

отсутствует объективный критерий деления понятия войны на «игру в войну» и «подлинную войну». Заметим также, что, вопреки стандартному представлению, шпильбрехер не выходит из области игры, но лишь открывает перспективу «игры без правил», каковой, в частности, и является неограниченная война, приобретающая, по Шмитту, через фигуру партизана всемирно-историческое значение в качестве «мировой гражданской войны»⁸.

Так в чем же тогда все-таки состоит действительность вражды и серьезность войны? На самом деле уже в третьем издании «Понятия политического» (1933 г.) Шмитту фактически пришлось перенастроить свою трактовку «серьезного случая», отказавшись от «реальной возможности физического убийства» (то есть жизни, находящейся под угрозой смерти) как определяющего/решающего признака подлинной войны, чтобы отделить политическое от агонального (*unpolitisch-agonalen*). Шмитт проводит различие между политическим и агональным в контексте более точного обсуждения концепции врага. Враг не является соперником (*Gegenspieler*) по кровавому агону (Schmitt, 2018: 85), так как последний не достигает уровня вражды, свойственного политическому противостоянию. Шмитт отмечает, что сражения между греками архаического периода носили агональный характер и тем самым не предполагали прекращения борьбы после сражения и заключения мира, поскольку агон является эманацией вечной космической игры, которую Гераклит под именем *polemos* полагал отцом и царем всех вещей. Эта ситуация изменилась только в результате разрушения политического единства эллинизма в ходе Пелопоннесской войны. В противоположность космоцентрическому агону политическое ориентировано на земное существование человека. «Великая метафизическая противоположность агонального и политического мышления проявляется в каждом более глубоком обсуждении войны» (*Ibid.*). Смысл войны выносится за ее пределы, война подчиняется более высокому порядку, имеющему отношение к судьбе человека как исторического существа, поставленного перед необходимостью принимать решение, то есть давать конкретный ответ на конкретный исторический вызов (*Wort* как *Antwort*). Смысл войны, как и политического противостояния в целом, основан на вопросе о том, что правильно. Политическая нейтральность агона подразумевает, что победа в сражении достается исключительно по закону сильнейшего (Шмитт, пародируя изречение Гераклита, саркастически характеризует эту победу в агоне победой кошки над мышью: одних агон делает мышами, других — кошками), то есть смысл порядка в этом случае не является предметом соперничества. Поэтому в политически нейтральной области политического единства (среди «друзей») возможны только агональные состязания; отсюда понятие конвенционального врага (*justus hostis*) в политически нейтральной области *jus publicum europaeum*. «Вопрос о том, что правильно, ставится перед ним [человеком. — А.Я.] в «сфере политического».

---

8. Сегодня мы воочию наблюдаем, как международные отношения стремительно превращаются в подобного рода «игру без правил». По аналогии с различием между властью учреждающей и властью учрежденной можно говорить о различии двух видов игры — анархичной игры, устанавливающей правила («игра без правил»), и игры, подчиняющейся правилам («игра по правилам»).

Он должен найти свой путь в этой сфере. Это требует такого поведения, которое ориентировано на реальную возможность борьбы не на жизнь, а на смерть. Это требует знания собственной ситуации, которая определяется противостоянием за господство, порядок и мир»⁹ (Meier, 2011: 41). Таким образом, в отличие от сферы агонального, война является «серьезным случаем» (Ernstfall), так как несет в себе бремя решения вопросов о господстве, порядке и мире. «Великая метафизическая оппозиция» (der große metaphysische Gegensatz) между политическим и агональным вновь оказывается оппозицией между серьезностью и игрой¹⁰.

Нетрудно заметить, что шмиттовское определение войны в качестве радикального воплощения политического, взятого в его *стерильной чистоте*, по существу и по формальным признакам в полной мере соответствует представлению об агональном кровопролитии (Meier, 2011: 55-56). В самом деле, если высшая степень интенсивности отношения «друг/враг» выражается в обоюдной готовности убивать, направляя смертоносное насилие на противника и рассматривая ответное насилие как реальную угрозу собственной жизни, и если еще добавить сюда такие характеристики данной диспозиции, как отсутствие личной вражды (ненависти) и какой-либо иной мотивации (религиозной, моральной, экономической и пр.), кроме стремления к победе/превосходству в экзистенциальном противостоянии, то складывающаяся картина совершенно недвусмысленно изображает *смертельный поединок*¹¹. При этом не имеет никакого значения, ведется ли он по каким-то

9. В статье «Политика» (1936 г.) Шмитт полемизирует с тезисом Э. Юнгера о том, что «человек не предназначен для мира», и заявляет [здесь и далее в прямых цитатах сохранен курсив автора цитируемой работы]: «Такое воззрение в качестве чисто воинственного противоположно политической точке зрения. Последняя исходит скорее из того, что войны осмысленным образом ведутся ради мира и являются средствами политики» (Шмитт, 2016: 414).

10. Как ни странно, но в поздних шмиттовских работах и переизданиях не осталось даже намек на «великую метафизическую противоположность» между политическим и агональным. В 1963 году переиздается текст «Понятие политического» в редакции 1932 года, а не 1933-го. Причиной тому, судя по всему, послевоенный пессимистический настрой Шмитта, связанный с его представлением о кризисе/конце суверенного государства как политического единства и перспективе абсолютной вражды в форме «мировой гражданской войны», стирающей классические дистинкции «враг/преступник», «комбатант/нонкомбатант», «война/мир», «армия/полиция», «внешний враг/внутренний враг». По логике Шмитта, решающий спор по поводу господства, порядка и мира может вестись только между врагами, признающими и уважающими друг друга в этом качестве. Абсолютная вражда направлена на уничтожение самой вражды и врага как таковых.

11. Шмитт конструирует *чистое понятие* политического, исключая из его содержания и критериев экономические, эстетические, моральные, религиозные, этнические, юридические и пр. мотивы и различия как не относящиеся к сущности политического, определяемого отношением «друг/враг», которое «не может быть основано на одной из иных указанных противоположностей или на ряде их, не может оно и быть сведено к ним. <...> Бытийственная предметность и самостоятельность политического проявляется уже в этой возможности отделить такого рода специфическую противоположность, как «друг-враг», от других различий и понимать ее как нечто самостоятельное» (Шмитт, 2016: 302-303). Враг не является морально злым, эстетически безобразным, экономическим конкурентом и т.д., он только «чужое бытие», поэтому вражда суть «бытийственное отрицание чужого бытия» (Там же: 308). Любая иная противоположность становится политической только тогда, когда степень ее интенсивности достигает точки экзистенциального противостояния, ориентированного на войну. Но вывести саму войну из этих противоположностей невозможно (Там же: 311).

правилам или правил никаких нет; в конце концов, отсутствие правил — это тоже правило¹² («игра без правил»). Потому-то Шмитт и оказался на этом пути отделения политического от агонального в полном тупике.

Кажется, что включение войны в исторический контекст, наделение ее значением судьбоносного решения позволяют выйти за пределы тождества «война = агон». Несостоятельность этого хода чуть подробнее будет показана далее. Пока же ограничимся следующим промежуточным выводом. Биполярность экзистенциального отрицания друг друга, ориентированного на физическое убийство, — это воображаемое отношение, которое как таковое структурируется из точки «третьего», а именно становится возможным и получает свой смысл только в регистре символической функции, вне которой нет ни вражды, ни друзей, ни врагов¹³. Иными словами, если принять в расчет символический регистр в качестве центральной точки перспективы, тогда политическое противостояние «друг/враг» во всей своей полноте должно формулироваться в отношениях троичности, а не двоичности. Это как раз то, что Шмитт фатальным образом упускает из виду, лапидарно редуцируя политическое к *интенсивности* отношения и делая на этой основе поспешные и насильственные выводы.

На войне, в смертельной схватке с врагом *смерть* задается как *риск* (*жизнь под угрозой смерти*), а *жизнь* — будь то просто жизнь, если под войной подразумевается высшая степень экзистенциального отрицания чужого бытия, или жизнь в значении собственной правоты, если речь идет о войне как историческом способе утверждения своего представления о порядке, господстве и мире, — как *ставка*, а это значит, что политическое отношение «друг/враг» символически структурировано как правило игры¹⁴. В силу непрерывности функционирования машинерии

---

12. Уместно в этой связи вспомнить реплику Лакана в ответ на известное изречение о том, что «если Бога нет, то все позволено»: если Бога нет, тогда не позволено вообще ничего (Лакан, 2002: 575). Согласно Шмитту, враг является частью божественного миропорядка, а война носит характер божественного испытания (Schmitt, 1940: 239).

13. По Лакану, «агрессия не имеет ничего общего с витальной реальностью, это экзистенциальный акт, связанный с воображаемым отношением» (Лакан, 2009а: 234). «Требование смерти не является просто-напросто стремлением причинить смерть. Речь идет о требовании артикулированном, и сам факт этой артикуляции говорит о том, что возникает это требование не на уровне воображаемых отношений с другим, что к противостоянию двух сторон в воображаемом плане оно не сводится, что обращается оно не к воображаемому другому, а к лежащему по ту его сторону символически запечатленному его бытию» (Лакан, 2002: 580).

14. Шмиттовское отношение смертельной угрозы (отношение «друг/враг») гомологично столкновению в гегелевском мифе двух самосознаний в смертельной борьбе за престиж: «В гегельянском мифе смерть... структурирована как риск, а точнее, как ставка. То есть между господином и рабом изначально существует некоторое правило игры». Таким образом, это отношение, «развертывающееся в воображаемом, в то же время имплицитно включено в некоторое правило игры, в той мере как данное отношение структурирует человеческое действие. <...> Так называемая теория игр представляет собой фундаментальный способ изучения данного отношения» (Лакан, 2009а: 295–296). «Не случайно затрагивает теория игр все функции нашей экономической жизни, теорию коалиций, теорию монополий, теорию войны — да, даже войны, если рассматривать ее в отвлечении от всего реального, в ее чисто игровых истоках» (Лакан, 2009b: 423). Более подробно см., например: (Шеллинг, 2007; Hilgers, 2012; Gratton, Zudenkova, 2020; Binmore, 1994; Binmore, 1998; Storr, 2021).

символической функции эта игра никогда не прекращается, даже в отсутствие реальных борющихся сторон (именно ее древние греки объективировали и мифологизировали в качестве вечного космического агона). Война — это игра. И больше тут нечего добавить.

Агональная природа политического

Начиная с Аристотеля мы знаем, что политически квалифицированный образ жизни (*bios politikos*) обязан способности человеческих существ к речевому общению. В утверждении о том, что война является продолжением политики иными средствами, попросту фиксируется тот факт, что война суть разновидность человеческого общения, символического обмена. Война — это полемика (*polemos*), полемика — это война. В силу принципиальной метафоричности языка и конвенциональной природы знаков все политические понятия носят полемический, «военный» характер. Но в таком случае политическое в первую очередь и по преимуществу не может быть не чем иным, как полем языковой игры, эйдомахией, ареной интеллектуальной схватки. По меткому замечанию Жоржа Батая, «результаты мысли бывают причудливо связаны с моментами борьбы и соперничества. Невозможно вполне отделить то, что мы думаем, от того, каков будет реальный авторитет высказываемых нами мыслей. А авторитет приобретается в ходе игры, традиционные и достаточно произвольные правила которой требуют, чтобы высказывающий свои мысли представлял их как безупречно и окончательно отшлифованную умственную операцию» (Батай, 2006: 102; см. также: Слотердаик, 2009: 161; Хейзинга, 2011: 168–169). Политические позиции с необходимостью должны рассматриваться в агональных конфигурациях.

Принципиальная плюралистичность духовной сферы предопределяет ее неизбежную вовлеченность в политическую борьбу (Шмитт, 2016: 305–307). Шмитт всегда расценивал интеллектуальную полемику как форму агональной борьбы. По его собственному признанию, «диспут призван быть духовным соревнованием, “агоном”» (Schmitt, 2021: 308). Обладая необычайно богатым и разнообразным культурным капиталом, в интеллектуальном поле Шмитт действовал как игрок-бриколер¹⁵ (Balakrishnan, 2000: 5). Соответственно, его

---

15. Различие между бриколером и инженером, отражающим различие между мифологическим и научным мышлением, ввел К. Леви-Строс. Бриколер, рекомбинируя уже существующие элементы (остатки предшествующих «построек» и «руин»), действует в предсуществующем поле игры, правила которой состоят «в том, чтобы устраиваться с помощью “подручных средств”» (Леви-Строс, 1994: 127), тогда как инженер выступает с претензией на создание этого поля «с нуля», включая все необходимые для этого ресурсы и инструменты. Очевидно, что инженер — это теологический миф, сконструированный бриколером (Деррида, 2000b: 455). Заметим, у термина *bricole* военно-игровая семантика: в игре в бильярд так обозначают удар отскоком от борта; в Средние века так называлось военное орудие для метания тяжелых стрел.

заявления по истории идей можно адекватно понять в их *конкретном* смысле только в агональном контексте (Mehring, 2017: 36).

Согласно Шмитту, все политические теории предполагают определенную антропологию, квалифицирующую человека как существо по природе своей «доброе» либо «злое» (Шмитт, 2016: 335). Для романтически идеалистической установки свойственно, утверждает он, представление о естественной доброте человека (Шмитт, 2015: 7–10)¹⁶; по сравнению с ней *серьезный* взгляд, видящий человека в свете опасности, предъясняется как реалистическая позиция¹⁷. Для Шмитта как христианского мыслителя первородный грех братоубийства (Schmitt, 2017: 71) выступает чем-то вроде трансисторической точки присутствия (arche), трансцендентальным принципом дифференциации, метаструктурой «друг/враг», растянутой во времени исторического процесса. Такая сквозная «политизация» истории делает историю историей политического бытия. Политическое, в свою очередь, неразрывно связано со временем и историей, поскольку оно связано с процессами социальных изменений, а тем самым с борьбой за смысл истории. Для Шмитта символизация истории — важнейший инструмент, с помощью которого придается смысл отношениям между враждующими сторонами. «Мировая история — это не только борьба военного оружия и не только борьба экономических средств власти; это также борьба понятий и правовых убеждений. Такая борьба — не пустой каламбур. Речь идет о победе и поражении, друге и враге» (Schmitt, 2021: 133).

Акцентировки Шмитта на событийности и уникальности истории используются им в качестве полемиического оружия против способов мышления, подрывающих политический характер духовной сферы путем ее приватизации победителем, претендующим на монополию правоты. Осознание исторической уникальности делегитимирует притязания победителя на вечное господство и через это открывает пространство возможности (Spielraum, буквально «пространство игры») для побежденного врага: сегодняшний победитель завтра может потерпеть поражение. Интенция Шмитта в этом отношении сводится к тому, чтобы переосмыслить настоящее таким образом, чтобы оно стало политическим на основе создания символических условий для борьбы между равноправными политическими субъектами, которые не дегуманизируют и не криминализируют друг друга (Meierhenrich, Simons, 2016: 410–411). Но подобного рода борьба может быть только борьбой на чисто агональных основаниях. Таким образом, мы снова приходим к тождеству «политическое = агональное».

---

16. Как отмечал еще Гоббс, «ошибочность» данного представления «исходит из слишком несерьезного отношения к человеческой природе» (Гоббс, 1989: 285).

17. «Поскольку же сфера политического в конечном счете определяется возможностью врага, то и политические представления не могут с успехом брать за исходный пункт антропологический «оптимизм»» (Шмитт, 2016: 342). Как нетрудно заметить, здесь у Шмитта возникает очередной порочный круг: из представления о «злой» природе человека дедуцируется понятие политического, которое, в свою очередь, обосновывает собственную предпосылку.

***Sub specie ludi*: человеческая реальность как «игра мира»**

Все эти дополнительные пояснения и разъяснения Шмитта по поводу серьезности войны/вражды весьма примечательны с точки зрения того, что в психоанализе именуется термином «отрицание» (*Verneinung*), подразумевающим высказывание истины в форме ее элиминации/опровержения. Действительно, если Шмитт рассматривает агональные сражения как *исключение* из понятия войны, тогда в полном соответствии с его же собственной логикой нужно обратить пристальное внимание именно на этот феномен, ведь «[н]ормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению» (Шмитт, 2016: 17). Как известно, для психоанализа подобного рода исключения, отрицания, изъятия из речи, оговорки, лакуны (паузы) и т.п. являются точками входа в пространство вытесненной истины¹⁸. Поэтому данные уточнения можно квалифицировать как своего рода симптом, указывающий на бессознательное измерение шмиттовской мысли — в значении «другой сцены» (*andere Schauplatz*), на которой разыгрывается истинное действие (подчеркнем: *действие игры*). Речь идет о *бессознательном* как стихии определенного дискурса, манифестацией которого являются понятия Шмитта, детерминированные фундаментальными пресуппозициями западноевропейской мыслительной традиции.

Первое, что сразу же бросается в глаза, это проблематичность противопоставления игрового и серьезного (а также игрового и трагического). Традиционный социологический подход к игре определяет ее как немотивированное следование принятым правилам, поскольку мотивация связывается с намерением изменить порядок мира посредством целенаправленного действия. Отсутствие подобной мотивации делает игру несерьезным или менее серьезным занятием с точки зрения значения (Гумбрехт, 2009: 46). «Однако это различие между игривостью и серьезностью теряет свой смысл в измерении присутствия, которое нейтрализует его, ибо не оставляет места действию. <...> [И]гра была бы не столь интересной, если бы... игроки не относились к игре серьезно. В самом деле, если бы кто-нибудь из них не проявлял максимума своих усилий, это тут же привело бы к концу игры» (Там же).

---

18. С этой точки зрения такие выражения Шмитта в тексте «Понятие политического», как «*Der Krieg spielt sich*» («война разыгрывается»), «*Der wirkliche Kampf spielt sich*» («подлинная борьба разыгрывается»), можно вполне считать оговорками в психоаналитическом смысле слова. Разумеется, это «оговорки» той дискурсивной традиции серьезного, внутри которой конституируется мышление Шмитта. Примечательно, что понятие «военная игра» (*Kriegspiel*) возникло именно в немецкой дискурсивной традиции. По словам Й. Хёйзинги, «именно германские языки, в которых понятие игры тяготело с особенной широтой и определенностью к закреплению в виде концепции, столь настойчиво выдвигали и противоположное по смыслу понятие» (Хёйзинга, 2011: 79). Обращение к психоанализу в этом контексте может показаться фривольной натяжкой, но, как отмечал Деррида, только в свете деконструкции можно по-настоящему понять сам психоанализ и его категорию «вытеснение» (Деррида, 2000b: 319–369). К слову, об интересной психоаналитической гипотезе родства игры и войны см.: (Dundes, 1997).

Пожалуй, Й. Хёйзинга со своей работой «Homo ludens» лучше, чем кто-либо другой, сумел продемонстрировать значение понятия игры для спецификации человеческой реальности, вплотную подойдя к пониманию парадигмального статуса игры — игры как истока культуры и культуры как игры (см. также: Кайуа, 2007). Из его исследований явствует, что начало культуры представляло собой нераздельное единство игрового и серьезного, размежевание между которыми обозначилось лишь с течением времени. В частности, в архаической культуре (не только в греческой) серьезная битва с оружием в руках объединялась вместе с состязаниями и единоборствами в понятии игры (Хёйзинга, 2011: 73–75). По всей видимости, война в своем первоначальном облике была важной и неотъемлемой составляющей агонально-игровой функции архаического социума. Во многих языках разные способы обозначения серьезного вырабатывались на основе уже существующего понятия игры¹⁹. В таком случае под угрозой оказывается сама идея серьезного, поскольку различие, в котором она черпает свой смысл, разваливается. Вероятно, Шмитт мог бы возразить, что серьезное отношение к игре ее участников, в том числе играющих с риском для жизни, никоим образом не отменяет того факта, что речь идет *всего лишь* об игре ради игры (даже если таковой является агональное кровопролитие) — автономной сфере, отделенной четкими пространственно-временными границами от причинно-следственных отношений действительности (Хёйзинга, 2010: 116), в рамках которой только и возможна подлинная серьезность (см. различие между трагедией и Trauerspiel). Этот довод можно парировать в духе высказывания Жака Лакана о том, что король, который думает, что он король, ничем не отличается от мнящего себя королем пациента сумасшедшего дома. Иными словами, нет никакой принципиальной разницы между серьезностью игры и серьезностью действительных отношений, поскольку оба измерения являются измерениями одного и того же²⁰ — не имеющей глубины и пределов трансцендентальной «игры мира»²¹, предваряющей различные формы игры в мире (Деррида, 2000a: 172; Деррида, 2012: 45).

Как известно, в проекте грамматики у Деррида история западной метафизики раскрывается как история угнетения и вытеснения понятия письма, противопоставляемого понятию логоса-голоса как принципа умопостигаемости налично данного в качестве *присутствия* (*presence*). Понятие *присутствия*, которое,

---

19. «Смысловое содержание *серьезного* определяется и исчерпывается отрицанием *игры*: *серьезное* — это *не-игра*, и ничего более. Смысловое содержание *игры*, напротив, ни в коей мере не описывается через понятие *несерьезного* и им не исчерпывается. *Игра* есть нечто своеобразное. Понятие *игры* как таковой — более высокого порядка, нежели понятие *серьезного*. Ибо *серьезность* стремится исключить *игру*, *игра* же с легкостью включает в себя *серьезность*» (Хёйзинга, 2011: 79).

20. Как несложно заметить, противопоставление игровой *реальности* и подлинной *реальности* имманентно противоречиво. И что вообще значит «подлинная реальность»? «О всякой вещи можно сказать, что она реально существует или не существует. <...> Существует вещь *реально* или нет, большого значения не имеет. Она отлично может существовать в полном смысле этого слова и в том случае, если реально не существует» (Лакан, 2009b: 324–325).

21. Под трансцендентальностью в данном случае имеется в виду недоступность «игры мира» как таковой в наличном опыте феноменальности.

по мысли Деррида, представляет собой опорную абстракцию и основополагающую иллюзию всей западной метафизической традиции, обозначает жест, наделяющий сущее неким центром, средоточием, устойчивым началом, основой, иначе говоря, связывающий сущее «некоей точкой присутствия» (Деррида, 2000а: 445)²². Такая центрация предполагает жесткую иерархию, устанавливающую предел *свободной игре* элементов структуры²³. Метафизика как «воля к истине» (Ф. Ницше) всегда относилась первоначально истины к логосу. Привилегированность логоса-голоса (мысли, выраженной в слове и воплощенной в звуке) в западной традиции (традиции фонологизма) обосновывалась его интимной, сокровенной причастностью бытию, тогда как письмо — это искусственный инструмент, регистрирующий живую речь, в знаках которого бытие предстает в модальности *следа*, то есть присутствия отсутствия. Отсюда настойчивое стремление метафизики редуцировать письмо как умерщвление жизни, производство мертвой сигнификации, разрушение *присутствия* в знаках. Не вдаваясь по понятным причинам в многочисленные подробности убедительной аргументации Деррида²⁴, отметим лишь, что в действительности логос-голос с самого начала вовлечен в бесконечную, ничем не ограниченную имманентную референцию (игру) следов, демонстрирующую отсутствие *присутствия*, или, по-другому, трансцендентального означаемого, фиксирующего свободное скольжение означаемой цепочки²⁵. «Отсутствие трансцендентального означаемого раздвигает поле и возможности игры значений до бесконечности» (Деррида, 2000б: 448). Любое означаемое как коррелят/дерибат трансцендентального означаемого в структуре знака оказывается лишь результатом/эффектом игры означаемых, а значит, не существует как таковое. Но именно на привилегии означаемого строилась вся западная метафизика, так как оно полагалось гарантией со-присутствия человека и мира в пространственно-временной метрике бытия. «Вторичность, которую всегда считали признаком письма, на самом деле относится ко всякому означаемому как таковому — причем это происходит “всегда-уже”, с самого *начала игры*» (Деррида, 2000б: 120). Таким образом, в истоках человеческого мира в его знаковой репрезентации сразу же обнаруживается коренное сродство (понятий) письма и игры: «Возникновение письма есть возникновение игры» (Там же). Это позволяет говорить о том, что фонологистская

---

22. Читаем также у Шмитта: «Любое движение зиждется, во-первых, на определенном, характерном отношении к миру и, во-вторых, на определенном, даже если и не всегда осознанном, представлении о последней инстанции, об абсолютном центре» (Шмитт, 2015: 29).

23. Хорошим примером служит стремление в психоанализе редуцировать символическую игру сновидения к центральной точке присутствия («пуп сновидения», по Фрейдю) как генерирующему и структурирующему основанию.

24. Вместе с Деррида здесь необходимо упомянуть Лакана, по отношению к которому Деррида можно во многом считать последователем и продолжателем (Lewis, 2008).

25. Так, политическое *присутствие* народа как самоотжественного политического единства возможно только посредством репрезентации, то есть присутствия отсутствия. «Репрезентировать означает сделать видимым и настоящим некое невидимое бытие посредством публично присутствующего бытия. Диалектика понятия заключается в том, что невидимое заранее предполагается в качестве отсутствующего и одновременно делается присутствующим» (Шмитт, 2010: 48).

репрессия письма всегда также была и репрессией игры. Как и письмо, игровое унижалось, относилось к области вторичного, производного, вспомогательного, несущественного, поверхностного, воображаемого, симулятивного, неподлинного, несерьезного²⁶. В укрощенном и репрессированном качестве игра «получает смысл и работает на серьезность, истину, онтологию» (Деррида, 2007: 198). Метафизика бытия как *присутствия*, следовательно, суть также метафизика *серьезного*, чья история связана с сокрытием собственной истории как истории игры, всей своей историей грезившей «о полноте присутствия, о некоем успокоительном основании, о начале и о цели игры» (Деррида, 2000b: 465). Сама метафизика (философия) была изобретена как теоретическая игра (Слотердаjk, 2007: 12; Хейзинга, 2011: 155–170, 207–220), которую Николай Кузанский окрестил «игрой в шар» (*ludus globi*) и которой мыслители всегда предавались с абсолютной воинственно-полемической *серьезностью*. «Мыслить — значит играть определенную роль в истории этой серьезности. Эта серьезная история есть история бытия» (Слотердаjk, 2007: 42). Претендуя на монополию обладания истиной бытия, метафизика конституировалась как особый регион дискурсивности, в котором эта игра манифестируется наиболее заметным образом и вместе с тем с самого начала маргинализируется, тщательно подавляется и маскируется самым способом философствования (Гурко, 2001: 5).

Дабы отличить письмо в качестве трансцендентального принципа артикуляции (игры присутствия/отсутствия) от письма в узком и собственном смысле слова и утвердить его в статусе безначального начала (самостирающегося следа) мира, Деррида вводит понятие протописьма (архиписьма), задающего игровую разметку пространства-времени человеческой реальности. Следовательно, *игровое* — это не то, что вторичным образом связано с различными видами человеческой деятельности, но сама их возможность, содержание и сущность²⁷, которые *серьезное* посредством предохранительных установлений метафизики всегда пыталось ставить под свой абсолютный контроль, редуцируя свободную игру символической функции к жестким структурам значений. Как отмечает Деррида, «понятие централизованной структуры — это понятие *обоснованной* игры, построенной на некоей основополагающей неподвижности и успокоительной достоверности, которая сама по себе выведена из игры. Именно эта достоверность и позволяет совладать со страхом, постоянно рождающимся из ощущения, что мы вовлечены в игру, захвачены игрой, с самого начала игры находимся в игре» (Деррида, 2000b: 446).

26. Более подробно о дискриминации письма и игры в философии Платона см.: (Деррида, 2007).

27. Поэтому понятие игры, часто используемое для описания социальной реальности в социально-теоретическом знании, служит не просто удобной или удачной эвристической/эпистемологической метафорой; оно схватывает саму природу социальной реальности. Расхожее представление о социальной реальности как о своего рода игре, в которой у всех действующих лиц есть свои игровые роли, необходимо радикализировать: социальное суть игровое безо всяких «как если бы». «Если я хочу играть в игру, я должен следовать правилам. Социальный порядок следует рассматривать как большую многопользовательскую игру» (Kahn, 2011: 67). «Общественная игра глубоко двойственна: она не только “играется” в обществе, которое внешне по отношению к ней несет ее, так сказать, в себе, но в ней фактически “играется” “общество”» (Зиммель, 1996: 494).

Теперь становится понятно, откуда проистекает одержимое стремление нейтрализовать, деактивировать игру, вывести понятие игры из игры. Требование истинности, полноты, подлинности, серьезности существования является отражением, говоря языком Деррида, «ностальгической мистики присутствия», выражением желания расположиться, укорениться в структурах *присутствия* (бытия), все время ускользающего в процессе опосредующей собой отношения между человеком и миром свободной игры сигнификации, внутри которой только и может конституироваться и обретаться человеческая реальность. Подобно медиуму на спиритическом сеансе, Шмитт в дискурсе материализует призраков *присутствия* с помощью магических заклинаний, содержащих обилие лексических конструкций со словами «реальный», «действительный», «конкретный», выступающих у него индикатором и гарантом со-в-местности существования людей в истине бытия: «реальная возможность» (reale Möglichkeit), «реальная действительность» (reale Wirklichkeit), «действительная борьба» (wirklicher Kampf), «действительный враг» (wirklicher Feind), «реальный смысл» (reale Sinn), «бытийная действительность» (seinsmäßige Wirklichkeit), «конкретная экзистенциальность» (konkrete Existenzialität), «конкретная действительность» (konkrete Wirklichkeit) и пр. В целом можно сказать, немного перефразируя Деррида, что шмиттовская тематика деполитизированного состояния мира (то есть мира развлечений, беззаботного времяпрепровождения, игры) как, собственно говоря, своего рода конца политической истории человечества, «обращенная к утраченному или невозможному присутствию отсутствующего начала», является по своему существу «печальным, негативным, ностальгическим... ликом самой идеи игры» (Деррида, 2000b: 465). Игра присутствует в конце лишь постольку, поскольку она присутствует в самом начале.

Заключение

Подступиться к существу политического как центрирующему *присутствию* напрямую в терминах *интенсивности, экзистенции, реальной возможности физического убийства* и пр., минуя язык, движение символизации, игру означающей артикуляции, невозможно. Вопрос о политическом может ставиться осмысленным образом только с учетом понимания того, что это делается в регистре символической функции. В противном случае дискурс политического оборачивается его гипостазированием, реификацией и натурализацией политических отношений, то есть тем, что придает «видимость очевидности тому, что по сути дела представляет собой манипуляцию символами» (Лакан, 2009b: 366–367). Так возникают воображаемые конструкции, фантомы, симулякры *присутствия*.

Для Шмитта доказательством действительности (серьезности) вражды является ее экзистенциальный способ воплощения, отрицания чужого инобытия, на пределе разрешающийся в реальной возможности физического убийства. Однако

отрицание имеет место только в регистре символического, реальность же просто такова, какова она есть; она ни позитивна, ни негативна. Физическое убийство всегда остается просто физическим убийством, с какой стороны *реального* на него ни посмотри. Если мы говорим о войне как политически мотивированном физическом убийстве, отличая его от преступления или чего-то другого (геноцида, ритуального жертвоприношения, эвтаназии, казни и т.д.), тогда из этого следует, что (физическая) реальность в своем конкретном значении напрямую зависит от символических условий, которые ее порождают (само слово «убийство» уже несет морально-юридические коннотации, инфицирующие определенным значением инертную фактичность физической реальности, то есть любое обозначение реальности в слове неизбежно ее преобразует, отрезая к ней непосредственный доступ). Отнесение к *символическому* отрицания чужого бытия сразу же кардинально меняет картину, что и было нами выше продемонстрировано.

Резюмируя, можно сказать, что шмиттовский дискурс политического является носителем собственной критики, поскольку строится на различии «игра/серьезность», которое сам же решительно и ставит под сомнение, сохраняя при этом полную слепоту по отношению к тому, что фактически разоблачается в облике «серьезного случая». Эта слепота обусловлена тем, что Шмитт принимает символическую игру (социальную игру, игру языка, игру понятий собственного мышления, игру спекулятивной традиции, которой он принадлежит, полемическую игру, в которую он вовлечен) *всерьез*, пытаясь затем эту серьезность игры подвергнуть разъятию и изъятию. Позволим себе закончить цитатой вердикта, вынесенного Деррида в адрес Гегеля по поводу понятия негативности, применив его с полным правом к казусу Шмитта: «И так он ослепил себя по отношению к возможности своей собственной ставки, к тому факту, что сознательное подвешивание игры... само было лишь фазой игры; игра *включает* в себя работу смысла или смысл работы, но не в терминах *знания*, а в терминах *вписывания*: смысл *зависим от* игры, он вписан в одном из мест конфигурации игры, которая сама по себе не имеет смысла» (Деррида, 2000b: 412).

Литература

- Агамбен Дж. (2021). Stasis. Гражданская война как политическая парадигма / Пер. с итал. С. Ермакова. СПб.: Владимир Даль.
- Батай Ж. (2006). «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Ладомир.
- Гоббс Т. (1989). Сочинения в 2 т. Т. 1. / Пер. с лат. и англ. В. Соколова. М.: Мысль.
- Гумбрехт Х. (2009). Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Феценко. М.: Новое литературное обозрение.
- Гурко Е. (2001). Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск: Экономпресс.

- Деррида Ж.* (2000a). О грамматиологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem.
- Деррида Ж.* (2000b). Письмо и различие / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академический проект.
- Деррида Ж.* (2007). Диссеминация / Пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория.
- Деррида Ж.* (2012). Поля философии / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Академической проект.
- Зиммель Г.* (1996). Избранное. Том 2. Созерцание жизни / Пер. с нем. Л. Ионина. М.: Юрист.
- Кайуа Р.* (2007). Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Пер. с фр. С. Зенкина. М.: ОГИ.
- Лакан Ж.* (2002). Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: ИТДГК «Гнозис», Изд-во «Логос».
- Лакан Ж.* (2009a). Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)) / Пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова. М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос».
- Лакан Ж.* (2009b). «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос».
- Леви-Строс К.* (1994). Первобытное мышление / Пер. с фр. А. Островского. М.: Республика.
- Слотердайк П.* (2007). Сферы. Макросферология. Том 2. Глобусы / Пер. с нем. К. Лощевского. СПб.: Наука.
- Слотердайк П.* (2009). Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ.
- Филитов А.* (2010). Политический романтизм Карла Шмитта // Социологическое обозрение. Т. 9. № 1. С. 66–74.
- Хёйзинга Й.* (2010). Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе / Пер. с нидерл. Д. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Хёйзинга Й.* (2011). Homo ludens. Человек играющий / Пер. с нидерл. Д. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Шеллинг Т.* (2007). Стратегия конфликта / Пер. с англ. Т. Даниловой. М.: ИРИСЭН.
- Шмитт К.* (2007). Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю. Коринца. М.: Практис.
- Шмитт К.* (2010). Государство и политическая форма / Пер. с нем. О. Кильдюшова. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
- Шмитт К.* (2015). Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Коринца. М.: Практис.
- Шмитт К.* (2016). Понятие политического / Пер. с нем. А. Филиппова. СПб.: Наука.
- Balakrishnan G.* (2000). The Enemy. An Intellectual Portrait of Carl Schmitt. London, New York: Verso.
- Binmore K.* (1994). Game Theory and the Social Contract. Vol 1. Playing Fair. Cambridge: The MIT Press.

- Binmore K.* (1998). *Game Theory and the Social Contract. Vol 2. Just Playing.* Cambridge: The MIT Press.
- Brodie B.* (1973). *War and Politics.* New York: Macmillan Publishing.
- Derrida J.* (2005). *The Politics of Friendship.* London, New York: Verso.
- Dundes A.* (1997). *From Game to War.* Kentucky: The University Press of Kentucky.
- Gratton G., Zudenkova G.* (2020). *Political Games. Strategy, Persuasion, and Learning.* Basel: MDPI.
- Hilgers P.* (2012). *War Games. A History of War on Paper.* Cambridge: The MIT Press.
- Kahn P.* (2011). *Political Theology. Four New Chapters on the Concept of Sovereignty.* New York: Columbia University Press.
- Lewis M.* (2008). *Derrida and Lacan. Another Writing.* Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Mehring R.* (2017). *Carl Schmitt: Denker im Wiederstreit.* München: Verlag Karl Alber.
- Meier H.* (1995). *Carl Schmitt and Leo Strauss. The Hidden Dialogue.* Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Meier H.* (2011). *The Lesson of Carl Schmitt. Four Chapters on the Distinction between Political Theology and Political Philosophy.* Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Meierhenrich J., Simons O.* (eds.). (2016). *The Oxford Handbook of Carl Schmitt.* New York: Oxford University Press.
- Schmitt C.* (1932). *Der Begriff des Politischen.* München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (1940). *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles.* Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C.* (2006). *Hamlet or Hecuba. The Irruption of Time into Play.* Oregon, Corvallis: Plutarch Press.
- Schmitt C.* (2017). *Ex Captivitate Salus.* Cambridge: Polity Press.
- Schmitt C.* (2018). *Der Begriff des Politischen. Synoptische Darstellung der Texte.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2021). *Gesammelte Schriften 1933-1936.* Berlin: Duncker & Humblot.
- Storr W.* (2021). *The Status Game.* London: Harper Collins Publishers.

The Game as a Paradigm of War/Enmity: Deconstructing the Concept of the Political in Carl Schmitt's Teaching

Aleksey Yarkeev

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Philosophy and Law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Address: Sofya Kovalevskaya str., 16, Yekaterinburg, 620108 Russian Federation
E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

The article offers a deconstructive reading of Schmitt's concept of the political, formulated within the framework of the Western metaphysical tradition, which focuses on the representation of being as presence. As a fundamental metaphysical abstraction, the concept of presence implies a serious attitude towards the possibility of grasping and maintaining the truth of being, thereby disqualifying and marginalizing the playful as unserious and inauthentic. In Schmitt's teaching, the political is assigned the role of centring the social existence as presence, which is revealed through the «friend/enemy» relationship and war as the highest degree of intensity of this relationship. In this light, the political can be seen as the rooting of human coexistence in the truth of being. According to Schmitt, the mortal threat contained in the existential confrontation elevates human life to the level of seriousness and authenticity, far beyond anything that can be described as a game. Schmitt's attempts to separate the seriousness of the political from the playful, the genuine war from the game of war, and the actual bloodshed between warring parties from the agonistic confrontation, are shown to be completely unsuccessful, which casts doubt on the scientific and philosophical respectability of his concept of the political. The article argues that Schmitt's blindness to the fact that play is the name, essence, content, and destiny of human reality is inherited from the presuppositions of Western metaphysics.

Keywords: game, war, enmity, enemy, political, agon, metaphysics, deconstruction.

Reference

- Agamben G. (2021) *Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma* [Stasis: Civil War as a Political Paradigm], Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Balakrishnan G. (2000) *The Enemy. An Intellectual Portrait of Carl Schmitt*, London, New York: Verso.
- Bataille J. (2006) «*Proklyataya chast`*»: *Sakral' naya sociologiya* [The Damned Part: Sacred Sociology], Moscow: Lodomir.
- Binmore K. (1994) *Game Theory and the Social Contract. Vol 1. Playing Fair*, Cambridge: The MIT Press.
- Binmore K. (1998) *Game Theory and the Social Contract. Vol 2. Just Playing*, Cambridge: The MIT Press.
- Brodie B. (1973) *War and Politics*, New York: Macmillan Publishing.
- Caillois R. (2007) *Igry` i lyudi; Stat` i i e`sse po sociologii kul` tury`* [Games and People: Articles and Essays on the Sociology of Culture], Moscow: OGI.
- Derrida J. (2000a) *O grammatologii* [Of Grammatology], Moscow: Ad Marginem.
- Derrida J. (2000b) *Pis`mo i razlichie* [Writing and Difference], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Derrida J. (2005) *The Politics of Friendship*, London, New York: Verso.
- Derrida J. (2007) *Disseminaciya* [Dissemination], Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- Derrida J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy.], Moscow: Akademicheskij proekt.
- Dundes A. (1997) *From Game to War*, Kentucky: The University Press of Kentucky.
- Filippov A. (2010) Politicheskij romantizm Karla Shmitta [Political Romanticism of Carl Schmitt]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 1, pp. 66-74.
- Gratton G., Zudenkova G. (2020) *Political Games. Strategy, Persuasion, and Learning*, Basel: MDPI.

- Gumbrecht H. (2009) *Poxvala krasote sporta* [In Praise of Athletic Beauty], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gurko E. (2001) *Dekonstruciya: teksty` i interpretaciya* [Deconstruction: Texts and Interpretation], Minsk: E`konompress.
- Hilgers P. (2012) *War Games. A History of War on Paper*, Cambridge: The MIT Press.
- Hobbes T. (1989) *Sochineniya v 2 t. T. 1.* [Works in 2 vols. Vol. 1.], Moscow: Mysl.
- Huizinga J. (2010) *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul`tura. Zatemnenny`j mir: E`sse* [Shadows of Tomorrow. Man and Culture. The Darkened World: Essays], Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaxa.
- Huizinga J. (2011) *Homo ludens. Chelovek igrayushhij* [Homo Ludens: Study of the Play Element in Culture], Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaxa.
- Kahn P. (2011) *Political Theology. Four New Chapters on the Concept of Sovereignty*, New York: Columbia University Press.
- Lacan J. (2002) *Obrazovaniya bessoznatel`nogo (Seminary` : Kniga V (1957/1958))* [Formations of the Unconscious, V, 1957-1958 (The Seminar of Jacques Lacan)], Moscow: ITDGC «Gnozis», Izd-vo «Logos».
- Lacan J. (2009a) *Raboty` Frejda po texnike psixoanaliza (Seminar, Kniga I (1953/54))* [The Seminar of Jacques Lacan: Freud's Papers on Technique (Seminar I)], Moscow: Izd-vo «Gnozis», Izd-vo «Logos».
- Lacan J. (2009b) «Ya» v teorii Frejda i v texnike psixoanaliza (Seminar, Kniga II (1954/55)) [The Seminar of Jacques Lacan, Book II: The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis, 1954-1955], Moscow: Izd-vo «Gnozis», Izd-vo «Logos».
- Levi-Strauss C. (1994) *Pervoby`tnoe my`shlenie* [Primitive thinking], Moscow: Respublika.
- Lewis M. (2008) *Derrida and Lacan. Another Writing*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Mehring R. (2017) *Carl Schmitt: Denker im Wiederstreit*, München: Verlag Karl Alber.
- Meier H. (1995) *Carl Schmitt and Leo Strauss. The Hidden Dialogue*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Meier H. (2011) *The Lesson of Carl Schmitt. Four Chapters on the Distinction between Political Theology and Political Philosophy*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Meierhenrich J., Simons O. (eds.). (2016) *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*, New York: Oxford University Press.
- Schelling T. (2007) *Strategiya konflikta* [The Strategy of Conflict], Moscow: IRISE`N.
- Schmitt C. (1932) *Der Begriff des Politischen*, München: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (1940) *Positionen und Begriffen im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C. (2006) *Hamlet or Hecuba. The Irruption of Time into Play*, Oregon, Corvallis: Plutarch Press.
- Schmitt C. (2007) *Teoriya partizana. Promezhutochnoe zamechanie k ponyatiyu politicheskogo* [Theory of the Partisan: Intermediate Commentary on the Concept of the Political], Moscow: Praxis.
- Schmitt C. (2010) *Gosudarstvo i politicheskaya forma* [The State and Political Form], Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vy`sshej shkoly` e`konomiki.
- Schmitt C. (2015) *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism], Moscow: Praxis.
- Schmitt C. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka.
- Schmitt C. (2017) *Ex Captivitate Salus*, Cambridge: Polity Press.
- Schmitt C. (2018) *Der Begriff des Politischen. Synoptische Darstellung der Texte*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2021) *Gesammelte Schriften 1933-1936*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Simmel G. (1996) *Izbrannoe. Tom 2. Sozerczanie zhizni* [Favorites. Volume 2. Contemplation of Life], Moscow: Yurist.
- Sloterdijk P. (2007) *Sfery`. Makrosferologiya. Tom 2. Globusy`* [Spheres. Macrospherology. Volume 2. Globes], Saint Petersburg: Nauka.
- Sloterdijk P. (2009) *Kritika cinicheskogo razuma* [Criticism of the Cynical Mind], Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: AST.
- Storr W. (2021) *The Status Game*, London: Harper Collins Publishers.